

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 27-го Ноября 1911 года.

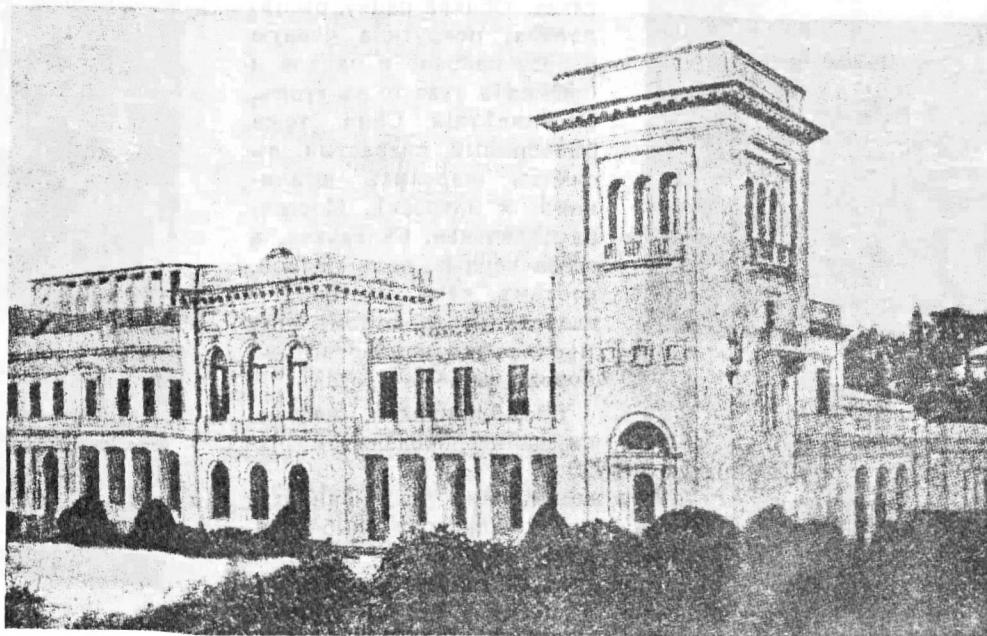
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10469.

ДѢТИ.

Семенъ Трофимовичъ Кулигинъ вернулся домой со службы въ семь часовъ вечера. Послѣднее время всегда возвращался такъ поздно: то въ шесть, то въ семь.

Заслышавъ звонокъ мужа, Татьяна Михайловна тотчасъ бросилась въ кухню: вмѣстѣ съ прислугой подогрѣвать обѣдъ

Квартиру Кулигина занималъ небольшую, но очень удобную. Столовая и маленькой кабинетикъ на одной сторонѣ, съ окнами на улицу, а спальня и дѣтская на другой. Но, войдя и почувствовавъ уютъ своего угла, — такъ покойно выглядывала изъ столовой мяг-

Новый Императорскій дворецъ въ Ливадіи.

Общий видъ дворца со стороны башни.

это стабиваетъ аппетитъ. Но развѣ онъ виноватъ? Ему даже поѣсть не могутъ дать во-время. Сѣль на диванъ и, чувствуя усталость, думалъ, что вотъ ужъ девять лѣтъ онъ такъ работаетъ, и неизвѣстно, сколько такихъ же лѣтъ ожидаетъ его впереди. Всегда предъ нимъ безконечные ряды цифръ, счетная косточки иногда рѣбятъ въ глазахъ, а спина начинаетъ болѣть. Волѣ! Какая-то водовозная кляча! Глупое выночное животное!

И, чувствуя приливъ жалости къ самому себѣ, Кулигинъ закричалъ рѣзко и злобно, какъ кричатъ прислугѣ:

— Та-аня! Даешь ты мнѣ ъсть, наконецъ? Я не изъ ресторана пришелъ! Чо-о-ортъ!

— Сейчасъ, голубчикъ! Самъ же будешь ругать, — холодное. Вѣль, ты въ разное время приходишь.

Татьяна Михайловна совсѣмъ засуетилась около плиты. Окликъ мужа заставилъ ее вздрогнуть, какъ ударъ кнута. Она бросила въ печку легкую щепу, чтобы усилить огонь...

Подали обѣдъ. Татьяна Михайловна присѣла у края стола. Сѣвъ супъ и принимаясь за мясо, Кулигинъ уронилъ съ злой улыбкой:

— Кушали, конечно? Можетъ быть, и завтракали?

— Но ты же знаешь, Сема, что дѣти не могутъ такъ долго оставаться безъ ъды. Татьяна Михайловна не больше двадцати девяти лѣтъ, но выглядитъ она старше. Лицо блѣдное, острый подбородокъ, около печальныхъ глазъ малень-

кия преждевременные морщинки. Она выдвинула на столъ худые руки, открытыя до локтя, прижала ладони къ лицу и тихо заплакала.

— Гну спину съ утра до вечера, — бормоталъ Кулигинъ, прожевывая мясо. Катарръ желудка уже есть. Слава Богу.

Онъ взглянулъ на жену и понялъ, что она плачетъ. Видъ у нея былъ такой жалкій. Это причинило ему легкую боль, но сейчасъ же захотѣлось перенести эту боль на нее, словно отомстить за свое непріятное ощущеніе.

— Слезы! — крикнулъ онъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ты хочешь, чтобы у меня куски въ горлѣ переворачивались. Поѣсть не дадутъ покойно!

— Да нѣтъ же, — прошептала жена. Кушай, ради Бога. Я ничего.

Она вышла изъ столовой и черезъ нѣсколько минутъ вернулась и поставила передъ мужемъ тарелку съ компотомъ.

Онъ сухо разсмѣялся:

Н. И. Пироговъ среди товарищей-врачей.

Н. И. Пироговъ.

По случаю 30-лѣтія со дня его кончины.

кая мебель, — Семенъ Трофимовичъ не успокоился, напротивъ, новое раздраженіе наполнило его, возросла злоба. Вотъ, о! тамъ работаетъ съ девяти утра до вечера, а они возвѣдаются въ тихихъ комнатахъ, на мягкихъ диванахъ. Не плохо! Совсѣмъ не плохо!

Онъ нервно зашагалъ по своему кабинету.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ его разѣдала какая-то глухая злоба, а въ послѣднее время работа увеличилась отчетностью по случаю скончанія года, и Кулигинъ нервничалъ еще болѣе и грубо придирился къ женѣ на каждомъ шагу.

Закурилъ папиросу и подумалъ, что

— Компоты кушаете... Ничего, хорошая штука. Мужъ работаетъ, какъ волъ, а мы компотиками салуемся.

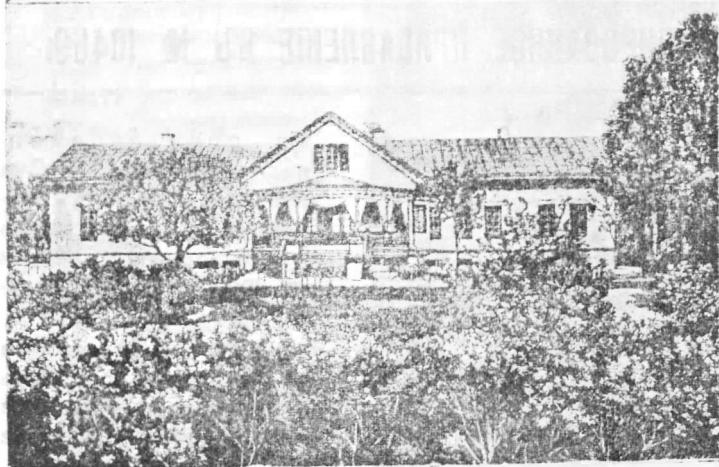
— Что съ тобой, Сема! — стономъ выражалось у Татьяны Михайловны. За что ты меня мучаешь? Я сама работаю, не присѣдаю. Для дѣтей сдѣлала и для тебѣ... Знаю, что любишь.

— А дѣти гдѣ? Мѣсяцами не вижу. Даже за ъдой теперь не вижу.

— Въ дѣтской. Играютъ. Къ нимъ сосѣдскій Федя пришелъ.

Окончивъ обѣдъ, Семенъ Трофимовичъ отправился къ себѣ въ кабинетъ и, снявъ пиджакъ, растянулся на диванѣ.

Татьяна Михайловна потихоньку при-

ДОМЪ, ВЪ КОТОРОМЪ ЖИЛЪ Н. И. Пироговъ.

Девять последнихъ шаховъ.

крыла всѣ двери, чтобы дѣтскіе голоса не беспокоили мужа, и сѣла въ углу столовой около рабочаго столика, штопала чулки, низко склонивъ надъ работой свое блѣдное лицо.

Семенъ Трофимовичъ выкурилъ папиросу, но, выкуривъ, не задремалъ, какъ это случалось обычно. Настроеніе было непріятное, тоскливо. Поворачивался съ одного бока на другой, приподнимался, снова ложился, но заснуть не могъ.

Тогда всталъ и, мягко шурша теплыми туфлями, прошелъ въ дѣтскую.

Это была самая большая комната въ квартирѣ. Висячая лампа съ плоскимъ жестянымъ абажуромъ заливала своимъ веселымъ свѣтомъ кроватки у стѣнъ, комодъ, маленькия стульца и игравшихъ посреди комнаты дѣтей.

Сосѣдскій Федя въ сѣрой курточкѣ, уже гимназистъ — приготвишь, быстро подошелъ къ „дядѣ“ и вѣжливо поздоровался. Затѣмъ подбѣжали дѣти Кули-

гина. Шестилѣтняя дочка Оля въ коротенькомъ зеленомъ платьице. Бѣлобрыса головка прилизана, за спиной крохотная косичка, золотистый хвостикъ, съ голубой ленточкой. Носъ пуговкой, веселенькие сѣрые глаза. Обняла папку, расцѣловала, покрутила черную бороду направо и налево и побѣжало куда-то въ уголъ. Восьмилѣтній Сема, тоже бѣлобрысы, вихрастый, въ синихъ широкихъ штаникахъ и матроскѣ. Мордочка бѣленъкая, бѣленъкая, а глаза черные, носъ прямой, совсѣмъ какъ у отца. Поздоровался съ отцомъ немного робко, поцѣловалъ, но бороды уже не трогалъ.

Дѣти притихли, видимо, смущались продолжать начатую игру.

— Что же вы, какъ на именинахъ, сказалъ отецъ и ласково улыбнулся. Ну, ну играйте. Я не буду смотрѣть и беспокоить. Шумите, бѣгайте. Я вотъ сяду въ уголокъ и буду курить.

Кулигинъ сѣлъ за комодомъ на маленькой диванчикѣ и закурилъ папиросу.

Видя, что папка тихонько сидѣтъ въ своемъ углу и, повидимому, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, дѣти осмѣялись, принялись за начатую игру, и снова огласили комнату ихъ смѣхъ и веселые голоса.

Посрединѣ комнаты узкимъ рядомъ были поставлены стулья. Федя поставилъ палку на среднемъ стулѣ, привязать ее къ спинкѣ, а наверху укрѣпилъ простыню съ Оиной кроватки.

— Колабль! Колабль! Палуса! — кричала дѣвочка, припрыгивая около стульевъ.

— Теперь нужно руль сдѣлать, — важно сказалъ Федя и задумался. Дѣти смотрѣли на него съ почтительнымъ ожиданіемъ.

— У васъ найдется вѣшалка, на которой сюртуки вѣшаютъ? Палка такая.

— Есть, есть! — закричалъ Сема. Выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ минуту прибѣжалъ съ вѣшалкой. — Вотъ!

На послѣднемъ сгупѣ Федя укрѣпилъ вѣшалку стержнемъ внизъ, такъ что деревянный полукругъ свободно ворочался во всѣ стороны.

— Готово! — крикнулъ онъ и гордо посмотрѣлъ на товарищей. — Кого же мы посадимъ на руль?

Долго спорили и кричали. Наконецъ, рѣшили посадить Ою.

— Это мѣсто для дѣвочки, — презрительно сказалъ Федя. — Тамъ и работы нѣтъ. Только ворочай и ворочай. Ты, Сема, будешь при парусахъ и долженъ изображать вѣтеръ. Я буду командовать, разматывать дорогу. Можна столкнуться съ какимъ-нибудь судномъ. Теперь нагрузимъ корабль,

Мгновенно всѣ подушки съ кроватей очутились на корабль. Семенъ Трофимовичъ смотрѣлъ и вдругъ началъ потихоньку смыться. Если бы ему предложили быть пассажиромъ, онъ съ радостью бы согласился. Оттого и смылся теперь.

Нагрузили корабль. Федя всталъ посреди, около мачты. Оя сѣла около руля, держала деревяшку обѣими руками и, сверкая глазенками, ожидала приказаній. На другомъ концѣ стоялъ Сема и,

Конъ-Ю-Вей,

глава революціонной партіи въ Китаѣ.

Шустеръ-Морганъ,

финансовый совѣтникъ персидскаго правительства, виновникъ русско-персидскаго конфликта.

держа рукой конецъ простыни — паруса, издавалъ свистящіе и шипящіе звуки, ш-ш, с-с; комично раздувалъ щеки, и глаза становились совсѣмъ маленькими.

— Ставь паруса!

Сема растянулъ простыню обѣими руками.

— Руль направо!

Оля даже привесчила и завертела деревяшку во всѣ стороны.

— Нордъ-остъ. Держи къ Огненной землѣ!

— Ш-ш-ш; с-с-с! — надрывался Сема, размахивая край простыни.

А Федя важный, съ нахмуренными бровями, внимательно осматривалъ горизонтъ въ свернутую изъ газеты трубу.

— Шквалъ! Спускай паруса!

Теперь и Федя свистѣлъ и шипѣлъ и Оля. Но вдругъ всѣ разсмѣялись, за-прыгали, и капитанъ крикнулъ:

— Земля! Земля! Разгружай судно, бросай якорь!

Приватъ-доцентъ харьк. университета докторъ медицины
Михаилъ Александровичъ Трахтенбергъ.

По случаю исполняющагося 4-го декабря, 25-ти лѣтія
врачебной дѣятельности.

Кулигинъ не выдержалъ,
вскочилъ, бросился къ дѣ-
тямъ:

— Ну, теперь я буду раз-
гружать корабль!

И поочередно таскалъ дѣ-
тей на своей широкой спи-
нѣ по всей комнатѣ, крях-
тѣль, какъ они, и склады-
валъ ихъ въ кучу на дива-
нѣ. Смѣялись, брыкались,
кричали и весело цѣловали
папку; тонкими ручками об-
вивали шею, бороду на паль-
цы завивали. Не удивлялись
своей смѣлости, видѣли, что
теперь все можно.

За Федей пришли. Дѣти
отправились въ столовую
пить чай, а Кулигинъ въ
кабинетъ. Развернулъ си-
нюю папку и принялъся за
работу. Усталости не чув-
ствовалъ. Было какъ-то
легко и хорошо. И чего онъ
такъ сердится, нервничаетъ?
Ну много работы, а зато
какъ у него все хорошо. И
что такое работа? Сегодня
больше, завтра меньше. И
сколько еще остается жиз-
ни, прекрасной жизни,
сколько еще радостей. Ог-

В. А. Бороздинъ,

въ роли короля Фридриха Великаго, изъ одноименной
пьесы Новачинского.

Симфонический оркестръ музыкального кружка студентовъ-технологовъ.

Къ предстоящему концерту въ г. Бѣлгородѣ, Сумахъ, Кременчугѣ и здѣсь, въ „Рабочемъ домѣ“.

Сним. фотограф. Техн. Инст. Е. Чувахина.

Семенъ Трофимовичъ хохоталъ, скры-
вая за комодомъ свое лицо.

Дѣти спрыгнули на полъ. Лица свѣ-
тились необычайнымъ счастьемъ, глаза
горѣли.

Федя взвалилъ себѣ на плечи самую
большую подушку и комично кряхтя
понесъ ее на кровать. За нимъ Сема,—
согнулся, какъ настоящій портовой раб-
очій, а сзади Оля съ самой маленькой
подушкой. Согнула угломъ ножки, шла
медленно, потряхивая головой, и золоти-
стый хвостикъ съ ленточкой мотался на-
право и налево.

ненная Земля! Великолѣпно. Нордъ-остъ!
Великолѣпно. „А какъ онъ, шельмецъ,
кричалъ: „руль направо!“ Я и забылъ
про эту Огненную Землю“.

Горничная принесла ему чаю, и было
жалъ, что не пришла жена. Онъ зналъ,
что она не войдетъ, пока онъ работаетъ.
Хотѣлъ позвать, но удержалъ какой-то
ложный стыдъ. Снялъ съ полки счеты,
зашелкалъ, пробѣгая глазами ряды цифръ,
но гдѣ-то тянулись постороннія мысли:
Какъ она, бѣдная, работаетъ! Всѣ на
ея рукахъ, все хозяйство. И шить еще,
и дѣтей учить. А гладко все. Жалованье
у него сравнительно небольшое, а ни

разу еще не было никакого стѣсненія; ни
одного упрека онъ отъ нея не слышалъ.

Работать легко, почти съ увлечениемъ,
не замѣчая, какъ идетъ время, и когда
взглянуль на часы и увидѣлъ, что уже
начало первого, самъ удивился.

Потушилъ лампу и направился въ
спальню, разстегивая по пути подтяжки.
Въ спальнѣ горѣла лампада, и при ея
свѣтѣ увидѣлъ на подушкѣ голову жены
съ гладко зачесанными на ночь волосами.
Глаза закрыты, но онъ зналъ, что она
не спить. Она никогда не можетъ за-
снуть, пока онъ не ляжетъ на свою кро-
вать. Посмотрѣлъ еще разъ на ея про-

долговатое лицо и вдругъ вспомнилъ компотъ за обѣдомъ, худыя, обнаженные руки, которыми же на закрыла лицо, и стало стыдно до боли, стыдно до слезъ.

Пристѣль на край ея кровати и позвалъ тихонько.

— Танюша! Спиши, Танюша?

Женщина шевельнулась, открыла глаза и удивленно посмотрѣла на мужа.

— Ты прости меня, Таня, скажъ тихо Кулигинъ... Нервы, отчѣты, утомилъся.

Не сердись, милая. Я знаю, какъ ты бѣдненькая, работаешь. Знаю, Танюша.

Женщина приподнялась и сѣла на постели.

„Прохожіе“ Рышкова на сценѣ харьковскаго городскаго театра.

Г-жи Яниковская, Янушева и г. Колобовъ.

(По фотографіи М. Я. Лещинскаго).

ничныхъ листьевъ, изъ горячаго вина и еще дымящейся крови убитыхъ телятъ.

Величайшій въ мірѣ магазинъ.

Въ Лондонѣ недавно былъ открытъ новый гигантскій торговый домъ, который нужно считать величайшимъ въ мірѣ. Онъ весь построенъ изъ бѣлаго гранита, и передней фасадъ его равняется 440 футамъ. Въ самой большой залѣ этого магазина можетъ помѣститься 100,000 человѣкъ. Въ 115 отдѣленіяхъ магазина имѣется 5 000 служащихъ. На крышѣ зданія со-

— Сегодня къ намъ поступилъ новичекъ,—настоящий дурачекъ! Теперь ужъ я не буду послѣднимъ. („Fleg. Bl.“).

— Голубчикъ, прошептала она.—Я... и заплакала.

Кулигинъ легъ рядомъ, положилъ къ себѣ на грудь тоненькую руку жены, гладилъ ее ласково и бережно.

— Худенькая ты, бѣдняжка. Ишь какая ручка, какъ у дѣвочки. Здорова ты, Таня?

— Что ты вздумалъ? Я ничего... Я здорова,—проговорила Татьяна Михайловна, задыхаясь отъ радости.

— У тебя малокровіе. Вотъ скажи завтра, чтобы еще принесли кувшинъ молока. Пей, Танюша. Блѣдная ты очень.

Говорилъ и гладилъ тонкую руку, а женщина за спиной свернулась комочкомъ, плакала отъ радости и, прижавъ голову къ плечу мужа, цѣловала его мускулистую шею.

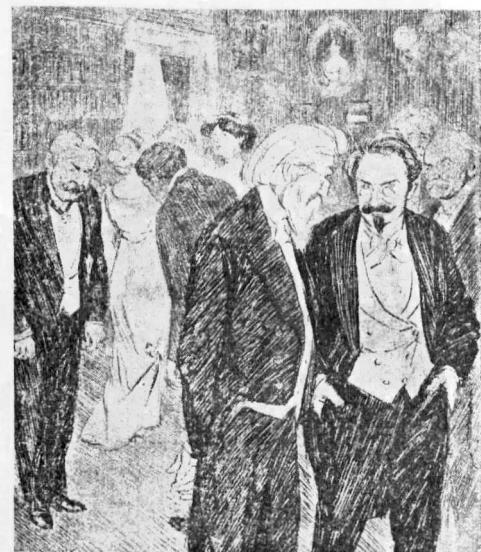
Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.

Американскій институтъ красоты.

Нѣсколько времени тому назадъ въ Бостонѣ открылся роскошный институтъ для возстановленія и сохраненія женской красоты, цѣны въ кого-ромъ доведены до такихъ гомерическихъ размѣровъ, что прибѣгать къ услугамъ инситута могутъ только архимиллионеры.

Здѣсь можно получать ванны изъ масла, молока, земничного и малиноваго сока. Но особое значеніе придается ваннамъ изъ отвара телячьихъ внутренностей. Такая ванна, по словамъ директора института, на долгое время сохраняетъ красоту и возстановляетъ свѣжесть кожи. То же самое, повидимому, думали и патриціанки временъ Римской имперіи. У нихъ былъ обычай принимать ежедневно двѣ ванны изъ молока ослицъ. Обычай этого былъ введенъ императрицей Поппей. Познѣе стали дѣлать ванны изъ отвара земля-

— Нашъ знаменитый физикъ, когда представляется, называетъ себя то тайнымъ совѣтникомъ, то профессоромъ, то докторомъ, то просто Мейеромъ.

— Ну, его титулы ему это позволяютъ. („Fleg. Bl.“).

оружена станція для безпроволочнаго телеграфа. Внутри зданія имѣется 800 телефонныхъ кабинокъ. На постройку этого торгового дворца употреблено 21 миллионъ фунтовъ стали

